

«Искусственный интеллект помог человеку победить деменцию, теперь наша очередь», «Помоги своей компьютерной бабушке!», «Только 8% людей сдает данные для ИИ».

«Не понимаю, зачем тут эти рекламные плакаты? Чтобы никто не передумал?» - размышлял Эмин. Он сидел в холле, полном разномастной публики: пожилых мужчин и женщин с разноцветными волосами, строго одетых бизнес-леди, рабочих, заскочивших сюда во время перерыва на стройке, молодежи в форме старших школ города. Не было разве что младшеклассников. Данные можно было сдавать лицам не моложе пятнадцати лет. Впрочем, правительство как раз рассматривало закон о повышении возраста лиц, сдающих данные для обучения нейросетей. Вполне вероятно, что через пару месяцев у Эмина уже не приняли бы дневник прадедушки, а значит, он не смог бы выручить немного денег и насолить родителям. Какой-то парнишка сделал селфи на фоне одного из плакатов.

- Так вот зачем тут все это, - тихо усмехнулась девчонка, которая сидела рядом с Эмином, - чтобы люди фотографировались и выкладывали у себя в соцсетях.

Девчонка озвучила свое предположение ни к кому не обращаясь, но у Эмина возникло чувство, что она говорила именно с ним. Он повернулся к ней и на секунду замер, разглядывая ее разноцветный свитер, связанный вручную намеренно небрежно – с дырками, пропущенными петлями и торчащими узелками.

- Если подумать, это отличная реклама, - продолжила девчонка, - не нужно вешать баннеры по всему городу, не нужно никому платить. Люди сами разносят информацию, как в старые добрые времена.

- Ну реклама тоже есть, - задумчиво пробормотал Эмин, заставив себя оторвать взгляд от занятого свитера.

Девчонка кивнула. Она хотела сказать что-то еще, но тут в холл вышла женщина с планшетом. Она отмечала у себя в списке пришедших, извинялась за большую очередь и отправляла каждому информационную анкету.

«Общеизвестно, что сейчас в сети больше текстов, созданных языковыми моделями, чем человеком. Исследования говорят о том, что нейросети, обучающиеся на таких текстах, со

временем начинают страдать так называемой «деменцией ИИ». Поэтому человечество встало перед непростой задачей – нужно находить все новые и новые тексты для обучения нейросетей. Сегодня вы лично можете повлиять на технологический прогресс, принеся собственную переписку, дневниковые записи или ненужные конспекты. Ниже вы увидите перечень текстов, которые принимаются для ИИ: стихотворение, дневник, сочинение, отчет, исследовательская работа, статья, руководство, переписка, письмо, бизнес-план...». Эмин поставил галочку возле слова «Дневник», заполнил вопросы о личных данных и покосился на девчонку в свитере.

- А ты что принес? – тут же спросила она, будто только и ждала, когда он к ней повернется.

- Дневник моего прадедушки, - с неожиданной для себя гордостью произнес Эмин.

- Понятно! Я – Линда, а ты?

- Эмин, - он поерзал в кресле. – А у тебя что?

- Переписка с братом. Мы с ним так зарабатываем: переписываемся целыми днями про всякую ерунду, а раз в месяц сдаем текст переписки и делим выручку пополам. А покажи дневник!

Эмин достал из сумки толстую тетрадь и протянул Линде. Та выпучила глаза от удивления:

- Вот это да! Он написан от руки... - какое-то время Линда молча листала страницы, исписанные синей гелевой ручкой, иногда замирала, будто пытаясь разобрать почерк, а потом снова переворачивала страницу. Наконец она вернула Дневник Эмину и с уважением заключила, – Тебе неплохо заплатят.

- Ну, - замялся Эмин, - я не ради денег его принес. Хочу насолить родителям.

- Вы поссорились?

- Вроде того. Они хотят, чтобы я поступал в Уни на отделение истории и археологии. Чтобы продолжал дело прадеда, как мой папа и дедушка. А я не хочу. Меня увлекает совсем другое - современные технологии в медицине, диагностика заболеваний, такие вещи...

- Ага, - протянула Линда. Эмин заподозрил, что ей интересно что-то совсем другое.

Оба неловко замолчали. Эмин водил пальцем по обложке дневника и представлял, как отреагируют родители на новость о том, что дедушкин дневник передан для обучения нейросети. Уж точно не обрадуются.

- Я нашел дневник в коробке своих детских игрушек на чердаке, не знаю даже, как он туда попал. От прадеда осталось много записей, почти все лежат у отца в библиотеке. Этот, - Эмин приподнял тетрадку и помахал ею в воздухе, - он вел в юности.

- Да, я обратила внимание на даты, - Линда задумчиво кивнула. – А ты читал его? Знаешь, о чем он?

Эмин уставился на Линду. Нет, он не читал. Во-первых, дневник был написан от руки, да еще и неотрывно, как писали раньше. Эмин мог написать несколько слов печатными буквами, нарисовать схему или несложный рисунок. Он конечно же умел быстро печатать, потому что он хорошо учился. Но больше всего он пользовался голосовым набором текста. Дедушкины записи Эмин даже разобрать не мог.

- А, во-вторых, читать чужие дневники неприлично, - сказал Эмин вслух.

Линда хихикнула, но он не сразу понял почему.

- А во-первых? Ты забыл сказать, что во-первых?

- Не умею, - буркнул Эмин и густо покраснел.

- Если хочешь, можем найти специальную программу, которая распознает текст, написанный от руки, - аккуратно предложила Линда. – Отсканируем пару страниц и послушаем. Вдруг в дневнике что-то интересное и не стоит его отдавать на растерзание ИИ.

- Тоже скажешь, на растерзание, - усмехнулся Эмин. – Но про себя подумал, что так оно и есть. материалы не возвращались владельцам.

- Впрочем, довод о том, что читать чужие дневники неприлично, довольно серьезный. Как думаешь, твой прадед был бы против?

Эмин задумался. Он совсем не помнил прадеда. Его не стало, когда Эмин был совсем маленьким. Но у него остались фотографии и видео улыбающегося старика, который держит на руках младенца – то есть его, Эмина. По-хорошему нужно было, наверное, спросить про дневник у отца. Возможно, прадед оставил на этот счет какие-то инструкции. Впрочем, если он сейчас отдаст тетрадь, спрашивать будет не о чем.

- Давай попробуем, - принял решение Эмин. - Но только пару страниц. Просто чтобы понять.

В наушниках Эмина зазвучал молодой голос:

«Сегодня я был в лесу, неподалеку от берега реки Аура, где сорок лет назад проводили археологические раскопки. Дело в том, что последние несколько месяцев я посещаю свободные лекции об археологии, которая, понятное дело, мало связана с педагогикой – моей будущей специальностью. И все же это невероятно интересно! Настолько, что после очередной лекции о ямочно-гребенчатой керамике, я сел на поезд и рванул к месту раскопок, чтобы просто взглянуть на место, где шесть тысяч лет назад находилось поселение. Спасаясь от жаркого солнца, я забрел в лес и со мной произошло нечто чудесное. Я заметил упавшее дерево. Его корни обнажили песок, цвета плитки молочного шоколада. Я сразу вспомнил описание профессора, присел на корточки и стал копать в песке. Я знал, что этот песок был здесь во времена, когда леса еще не существовало. А потом я нашел крупный кусок керамики, с узорами, в виде мелких ясочек и колечек (похоже сделанными трубочками какого-то растения). Не могу передать, какой восторг я испытал, найдя кусок глиняного горшка, которому около шесть тысяч лет. Все больше я думаю о том, что хотел бы выбрать для себя совсем другой путь, не тот, что был у моего отца и деда. Завтра, я узнаю в университете о возможности перевода на факультет истории и археологии. А затем наберусь смелости и поговорю с отцом. Просто сообщу ему, что решил сменить специальность и будь что будет!».

Эмин достал наушники. Рядом зашевелилась Линда, которая, похоже тоже дослушала отсканированную страницу до конца.

- Кажется, между твоим прадедом и тобой больше общего, чем ты думал, - улыбнулась Линда.

- Скажи мне честно. Ты на самом деле умеешь читать текст, написанный от руки, а эту ерунду с программой провернула просто, чтобы было убедительней?

- Нет, что ты, это случайность! – Линда замотала головой и хитро улыбнулась, так что у Эмина не осталось сомнений, а потом спросила. – Ну что? Ты все еще хочешь продать эту штуку?

- Нет, не хочу, - честно признался Эмин. – Но и на археологию я поступать тоже не намерен. Слышать не могу про ямочно-гребенчатую керамику. Так и скажу сегодня родителям. И будь что будет.